

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ...

О педагогике духовного роста

Наталья Владимировна Кудрявая,
профессор, доктор педагогических наук, Москва

Вышла в свет книга известного литературоведа и специалиста в области музейного дела, заслуженного учителя России, преподававшего в школе и вузе, создателя современной Толстовской школы в России, писателя Виталия Ремизова «Уроки Толстого и школа культуры» (М.: Изд-во Проспект, 2019). Она посвящена проблемам современного образования в контексте педагогических и нравственно-философских идей Льва Толстого.

• книга • Виталий Ремизов • педагогический опыт • школа Льва Толстого

Книга интересна не только общемировоззренческим подходом, но и анализом необычного социально-педагогического феномена, которым стало массовое движение учителей от Тулы и «до самых до окраин» (Находка) в конце XIX — начале XX в.

Само движение возникло в 1990 году, когда к педагогическому опыту Л.Н. Толстого обратилась группа учёных двух вузов — Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (ректор Н.А. Шайденко) и Тульского института развития образования (ректор И.А. Петрищенко). В неё вошли специалисты разных сфер знаний. Ими была создана концепция современной «Школы Л.Н. Толстого» (В.Б. Ремизов, С.И. Маслов, И.А. Трухачева, Н.А. Шайденко, И.А. Петрищенко, А.А. Орлов, В.М. Петровичев, Е.Д. Мелешко, М.А. Козьмина). Чуть позже при Институте

повышения квалификации Тульской области была создана научно-исследовательская лаборатория «Школа Л.Н. Толстого» (научный руководитель В.Б. Ремизов). В 1998 году НИЛ получила статус федеральной экспериментальной площадки, а позже приказом министра образования РФ была включена в число 16 ведущих инновационных образовательных учреждений. Базовыми площадками лаборатории стали нынешние гимназии № 3 и 4 г. Тулы, Яснополянская гимназия № 2, сельская школа (ныне гимназия) в Иншинке Тульской области, Яснополянский детский дом, ряд детских садов, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Проект «Школа Л.Н. Толстого» в эти годы был одним из самых молодых и самобытных в российском образовании.

Название движения, как отмечает автор книги, это не только обозначение его истока — педагогика Льва Толстого, но и метафора «того лучшего, что есть в отечественной и зарубежной педагогике». Оттолкнувшись от идей Толстого, участники

движения, а это родители, учителя-практики, школьные методисты, учёные гуманитарного профиля, малые и взрослые дети, сумели организовать в единое духовно-педагогическое пространство, в котором мысль «*сеять разумное, доброе, вечное*» оказалась не шаблонной фразой, а легла в основу системы практической работы.

Уже в первой главе книги, где речь идёт о своеобразии и неповторимости личности Льва Толстого, появляется главная тема — человек в его движении к нравственному и физическому совершенствованию. В последних двух главах раскрывается та духовная высота, которую внесли Пушкин и Лев Толстой в Русское Просвещение. И только с четвёртой главы книги постепенно возникает панорама современных событий на большом российском пространстве, охваченном вдохновенным действием — вторжением толстовских педагогических идей в сознание участников движения и соотнесение этих идей с потребностями и задатками учеников, волеизъявлением родителей, муками учителей, предпринявшими «свой переход через Альпы» ради внутреннего преобразования, ради овладения педагогикой ненасилия и высших духовных смыслов.

Движение «Школа Л.Н. Толстого» на рубеже XX—XXI вв. по времени совпало с началом выхода отечественной психологии и педагогики из «сумерек просвещения». Движение гуманистической, а несколько позднее экзистенциальной психологии Запада сделали очевидными достоинства гуманистической и личностно ориентированной парадигм образования. А высказывания основоположника экзистенциальной психологии Виктора Франкла об устремлённости человека к смыслу и ценностям, наличии особого духовного ноогенного (состояния от растерянности перед проблемой смысла жизни, страха перед смертью) пространства в структуре личности, безусловно, перекликались с толстовским «Рождение духом», пробуждением духовного начала в ситуации схватки жизни со смертью.

Всем очевидно, какой вред принесла советская материалистическая психология невниманием к экзистенциальным особенностям человека. Безусловно, это повлияло на то, что педагоги-

ческое толстоведение выявляло народность и демократический пафос педагогики Толстого, а духовное завещание «О воспитании» оставалось непонятым, собственно, как и педагогические открытия Толстого в целом.

Книга В.Б. Ремизова «Уроки Толстого и школа культуры» восхищает многогранностью взгляда автора глазами Л.Н. Толстого на проблему детства, преисполнена раздумьями о том, что значит ощутить «свою вечно растущую душу», почувствовать взрослому человеку власть «силы детства», не бояться говорить с ребёнком о проблемах жизни, смерти, бессмертия, которые волнуют каждого человека с малых лет.

Пожалуй, впервые в педагогической практике наших школ уделяется большее внимание не просто получению новых знаний и приобретению навыков, а включению их в контекст становления духовной культуры ребёнка.

Одна из главных задач всего движения (гипотезы эксперимента) состояла в том, чтобы «подтвердить школьной практикой правоту тезиса: общедуховное, общекультурное и грамотно выстроенное физическое развитие ребёнка должно положительно сказаться и на развитии его интеллекта». Массовая школа, как известно, следует иной установке: ЗУНы с их выходом на ЕГЭ.

Здесь можно сказать В.Б. Ремизову огромное спасибо за подробный анализ и актуализацию духовного завещания Л.Н. Толстого — его статьи «О воспитании» (1909), известной как ответ В.Ф. Булгакову. Это мини-трактат не только о нравственно-философском содержании образования и воспитания, но и об этапах его реализации в ходе учебного процесса.

С педагогической точки зрения существенно, что Толстой задолго до советских психологов-неомарксистов объяснил

педагогам, как в повседневной работе можно развивать духовные способности, например «выучиться любить» так же, как косить, пахать. Собственно, с освоением этой духовной культуры организаторами движения были созданы два новых учебных предмета и специальная для них учебная литература.

В.Б. Ремизов фокусирует внимание читателей на понимании Л.Н. Толстым антропности духовности, показывает, как можно помочь прикоснуться к самому сокровенному в человеке, не нарушая его суверенности и святости. Можно заметить, что это первые в науках о человеке попытки Толстого поставить в научный дискурс проблемы духовности и нравственности, что стало предметом исследования, а XX–XXI вв. — направлением экзистенциальной психологии.

В названии глав книги содержится указание на присутствие в тексте анализа комплекса толстовских идей и их творческое преобразование в практике современного образования — в опыте работы толстовских школ.

Так, в пятой главе речь идёт о взгляде Толстого на сущность человека, определяемой особенностями личности самого писателя (исходная «чистота нравственного чувства», многогранная палитра восприятия мира, «диалектика души» как способность к нравственному саморазвитию) и важности этих открытий для содержания современного образования. При этом в самом названии главы подчёркнуто своеобразие толстовской духовности. Она подобна неэвклидовой геометрии Н.И. Лобачевского, ректора Казанского университета. Толстой, хотя и бросил учёбу в этом университете, сумел вобрать в себя дух времени и прочувствовать взаимосвязь двух стихий — Запада и Востока.

В шестой главе социально-философский контекст воззрений Толстого, обусловленный его мечтой о золотом веке, когда восторжествуют христианская идея духовного служения Богу и людям, лежит в основе обоснования методологии жизни человеческого духа

и педагогической целесообразности. В этой связи В.Б. Ремизов пишет:

«Толстой предложил современникам действовать *согласно определённой социально-педагогической установке*:

- 1) через желание и самопознание перейти к поведению, определяемому чувством внутренней свободы, почувствовать себя способным противостоять внешним обстоятельствам,
- 2) через открытие в себе Царства Божия, которое есть в каждом человеке, обрести нравственную устойчивость, силу внутренней убеждённости и
- 3) от этого идти к выстраиванию своего отношения с внешним миром.

Такой путь давал бы возможность *преодолеть зависимость* от внешних обстоятельств, общественного мнения и авторитетов, *занять самостоятельную позицию* в жизни, *следовать голосу совести, бескорыстно служить людям*.

Но, чтобы человек принял этот путь развития, необходимо, чтобы в нём заговорил разум, появилось желание очиститься от коросты, внутри зазвучал голос живой жизни».

В.Б. Ремизов, интерпретируя толстовское понимание проблем свободы и обстоятельств, телесного и духовного, эгоистического и альтруистического начал в их общечеловеческой и социально-исторической значимости, подчёркивает *главенствующую роль нравственной основы получаемых знаний. Без этого единства не может идти речь о культуре образования*. Все аспекты личности и деятельности человека, а в школьные годы — ребёнка, соотносимы с нравственными аспектами жизни. Вполне актуальна в наши дни мысль, прозвучавшая в книге:

«*Общечеловеческое, как и национально-историческое, лишённое нравственного*

лица, — это гримасы дьявола, террористический взрыв всех глубинных основ человеческой, хочется верить, Божественной, по своей сути, природы».

Исследователь, указывая на универсальность гения Толстого, убеждён в том, что главной особенностью его творческой деятельности была «доминанта культуры». Именно она «соединила в себе лучшее из аристократического и народного кодексов жизни». Потому, считает исследователь, ему и удалось «связать образование с культурой, предложив своё видение проблемы культуры образования».

В статье «О воспитании» Толстого, как и в рецензируемой книге, отвергнуто «принудительное и корыстное образование», признаётся приоритет свободы образования и целесообразности предлагаемых ученику знаний. *Превыше всего ставится «духовное знание»*, с его двумя главными вопросами и, соответственно, двумя новыми предметами:

«Первый, что я такое и какое моё отношение к бесконечному миру?» и второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным?» (Л. Толстой).

Далее идут вторая и третья очереди знаний «после религии и нравственности» — жизнь своего народа и других народов (развёрнутый этнографический экскурс, включавший и иностранные языки).

Предметное знание, тоже крайне важное, было поставлено Толстым на третье место и должно было содержать отбор материалов с точки зрения самого главного и необходимого для жизни человека — по принципу разумной целесообразности.

На страницах своей книги В.Б. Ремизов рассказывает о том, как идеи Толстого и участников движения реализовались в парадигмах системы образования толстовских школ России, создании новых предметов и программ, корреляции базовых программ по различным школьным предметам, оригинальных учебных планов, методологических подходах, методических разработках к урокам.

Надо отметить, что в ходе развития эксперимента возникла система непрерывного образования (ясли-сад — школа — вуз — родительский университет). По-новому стали определяться задачи урока. Их содержание определялось следующими тремя парадигмами школы культуры («Школы Л.Н. Толстого»).

- I. Разум — Культура чувства — Самостоятельность.
- II. Золотая голова — Золотые руки — Золотое сердце.
- III. Родовое — Социально-историческое — Индивидуально-неповторимое.

В какой степени урок, беседа, дискуссия, экскурсия, встреча, культурные, спортивные и другие формы образования и воспитания способствуют развитию у ребёнка не только умственных способностей, но и потребности в разумном осмыслении мира, желания жить в границах культуры чувства, свободного волеизъявления, умения сделать собственный выбор?

Известно, что тонкие экзистенциальные аспекты педагогики и всего этического учения о жизни человека Толстого не могли не столкнуться проповедника и провидца с Православной церковью в царской России. Сразу оговорюсь, что духовная цензура царской России была весьма сурова к трактатам так называемого религиозно-нравственного учения и запрещала их. Это привело к большей известности этического учения Толстого на Западе, нежели на родине. В.Г. Чертков печатал их в Лондоне на иностранных языках и сделал доступным читающей публике опережающие время взгляды Толстого, в том числе психологические и педагогические.

Как известно, в середине XX столетия создатель экзистенциальной психологии В. Франкл в аналогичной ситуации избежал конфликта с религией.

В.Б. Ремизов, понимая, что именно благодаря религиозным терминам в этическом учении и педагогических статьях Толстого в советское время исследователи боялись их затрагивать, так как теперь они уже были отнесены ленинской концепцией к «слабостям» мыслителя, очень тактично *вводит термин «светская духовность»*. В книге есть целый раздел «Русская Православная Церковь», и В.Б. Ремизов отмечает, что Церковь сделала шаг навстречу «светскому образованию». Идея объединения усилий в вопросах образования и воспитания не только детей, но и взрослых вселяет оптимизм в оценке духовного завещания Толстого, в его статье-письме к современникам «О воспитании».

В советское время педагогическое творчество Толстого вторично пострадало от использования религиозной терминологии, так как ленинско-сталинская идеология практически «запрещала» учёным исследовать те аспекты, которые признавались «слабостью мыслителя», то есть ненаучными. *А в них-то, этих «слабостях», и содержалось зерно всей педагогики, то есть организации практик работы с человеком, затрагивающим экзистенциальные аспекты.*

Ведущие создатели отечественной психологии, безусловно, читали педагогические сочинения Толстого, но почему-то не ссылались на него как на предтечу. Эпоха репрессий (вспомним участь педологии) «укорачивала» понимание сущности человека, а *псевдонаучные, по мнению Толстого, принципы науки о человеке не устранены полностью и поныне*. Но ведь именно теоретические установки определяют сознание и практику работы учителей. По учебникам, в которых характеризовался демократический пафос и народность педагогики Толстого, и не была раскрыта сущность его духовных исканий (они даже были названы реакционными), подготавливались многие поколения отечественных педагогов.

Участники движения «Школа Л.Н. Толстого», вопреки существующей теоретической отсталости в понимании проблем духовности

и нравственности, показали значимость этих проблем. *И именно в этом главная их новация.*

Предметы светской духовности заняли достойное место в школьном обучении. Начальной школе был предложен предмет о мире и душе человека «Чаша жизни», не имеющий аналогов в мировой педагогике. Среднему звену в период обострения переходного возраста адресован курс «Познай себя». В старших классах, на пороге выхода в большую жизнь, учащиеся приглашаются на семинар «Этика жизни».

У цикла предметов о светской духовности есть организующая весь материал идея, свои методологические и методические решения. Автор книги подробно останавливается на опыте преподавания «Чаш жизни», предлагает разработанную тематику на 5–6 лет обучения. Это грандиозная картина мира и жизни человечества, в том числе и нашей Родины. *Эта уникальный метапредмет, позволяющий привлекать к проблеме материалы по научному знанию, мифологии и религии, истории и этнографии, искусству.*

Девять лейтмотивов («Этот загадочный мир», «Моя Родина», «Планета людей», «Золотая ветвь», «Отчий дом», «Час души», «Наедине с собой», «Жизнь и свобода», «Ступени жизни»), 45 проблемных блоков, 462 темы. Это пропедевтика духовного становления личности ребёнка. Это намного серьёзнее, чем сегодняшний предмет в начальной школе «Окружающий мир». В толстовских школах всегда находился учитель, который брал бы на себя миссию вести этот крайне сложный по методике обучения предмет, требующий от педагога постоянного совершенствования.

В толстовских школах отказались от раздельного изучения зарубежной и отечественной истории. Вместо этого ученикам предлагается курс «Истории развития человечества и цивилизаций», включавший

в себя более основательные программные блоки по различным видам искусства и различным сферам знаний. История России, с точки зрения автора книги, в этом контексте смотрится масштабнее. Смысловой контекст интерпретаций заметно расширяется.

Естественный цикл начинается в начальной школе с предмета «Природа и труд» (освоение научных знаний в процессе практики, трудовой деятельности) и заканчивается в старших классах курсом «Естествознание: современные концепции развития».

В каждом традиционном предмете имеются подвижки. О них вкратце рассказывает автор книги. Больше внимание он сосредоточивает на преподавании литературы в школе. В.Б. Ремизов назвал этот предмет так же, как и Толстой двухтомник для народного чтения, — «Круг чтения». И это не игра в названия. Это принципиально новый подход к преподаванию искусства слова.

В наше время потеря интереса детей к чтению, движение к эпохе искусственного интеллекта, когда, кажется, уже и не нужна постановка вопросов развития духовности и нравственности на основе специально подготовленных текстов, само движение «Школа Толстого» побуждает к глубоким размышлениям на тему о не утратившей значение педагогике Толстого. Его опыт в Яснополянской школе, его статьи в журнале «Ясная Поляна», его дискуссии с методистами 70-х годов XIX столетия проходили в период отмены крепостного права в России. «Воспитание спасёт мир» — этот лозунг Толстого рождался в период подъёма экономического развития России к концу XIX — началу XX столетия. Именно в этот период Л.Н. Толстой поведал о главной потаённой и очень амбициозной цели: открыть новую школу и написать «о воспитании, чего никто не знает или с чем никто не согласен» (14 ноября 1865 г.). Кстати, эта загадка в полной мере не разгадана и поныне, а корни её разгадки — в ранней педагогике Толстого.

«Круг чтения» в современных толстовских школах начинается с «Азбуки Л.Н. Толстого» (она выпущена в виде учебного пособия для учеников 1-го класса, которое подготовили

В.Б. Ремизов и С.А. Маслов). Тексты поданы не как у Толстого, а поурочно. Более ста притч и рассказов включено в эту книгу, и большая часть из них является собой архетип жизни человека. Толстой писал, что он вложил в свою «Азбуку» всю мудрость Востока и Запада. В.Б. Ремизов на конкретных примерах показывает, как методика работы с книгой (а в толстовских школах чтение отделено от прописи) позволяет вывести ребёнка из состояния внешнего читателя и войти в мир изучаемого на основе собственного опыта.

После этого детям 2–4-х классов предлагаются тексты из «Часа души» — трёх книг, в которых помещена высокохудожественная проза русских писателей. Многие имена введены в школьную практику впервые.

Меняется логика изучения литературы и в других классах. Она основана на проблемно-тематическом подходе, и он нацелен на раскрытие духовного богатства человечества в сфере искусства слова (5-й класс. «Святые таинства природы» (Человек и природа). 6–7-й классы. «Отец. Отчий дом. Отечество». 7–8-й классы. Запечатленное слово (Человек и культура). 8–9-й классы. «Я есмь, и я люблю» (Лики мира — лики любви). 9-й класс. Пушкин и его эпоха). Вместе с канд. филол. наук М.А. Козьминой автор книги предложил развёрнутый список художественных текстов. Он заметно больше, чем можно освоить в рамках школьного времени, отведённого на изучение литературы. Однако он даёт возможность сделать выбор как учителю, так и ученику, приобщает ученика к великим эпохам и великим именам. В старших классах средней школы предлагается курс истории русской словесности и изучение пяти–шести памятников мировой литературы.

Как видим, смысловым центром как книги, так и движения «Школа Л.Н. Толстого» явилась разработка

огромного количества новых текстов, введение в практику школьного чтения книг, которые были составлены и написаны Л.Н. Толстым — «Азбуки», «Круга чтения».

Книга В.Б. Ремизова «Уроки Толстого и школа Культуры» и само педагогическое движение «Школа Толстого» значимые, убедительные прецеденты, когда сама жизнь подтверждает, что совсем не устарели, полезны и даже обладают спасительной творческой силой тексты книг для чтения, которые были использованы участниками движения.

«Круг чтения» рассматривается автором как метапредмет.

«Он, — цитирую автора, — включает в себя литературное образование, но масштабнее, так как его задача — воспитать в ребёнке не только хорошего читателя, но и личность, способную к духовному росту, к раскрытию в себе лучших начал — к образованию своего «Я». Духовные токи метапредмета пронизывают практически всё предметное знание, но особенно ощутима его связь с предметами светской духовности: «Чаша жизни» (1–5-й классы); «Познай себя» (7–8-й); «Этика жизни» (9–10-й).

В основе этого единства, — пишет далее В.Б. Ремизов, — лежат главные идеи толстовского эксперимента:

- равенство и свобода всех участников учебного процесса (дети, учитель, родители), противостояние всем формам унижения человеческого достоинства;
- социальное партнёрство как основа служения людям (золотая голова — золотое сердце — золотые руки), человек не средство, а цель;
- единство Разума — Культуры чувств — Самостоятельности (не путать: ум — чувство — воля);

- равнозначность трёх начал в человеке — родового (природное и социальное), социально-видового, индивидуально-неповторимого;

- любовь как высший дар жизни (дар Бога человеку — «потребность любить и быть любимым» (Толстой)).

Естественно, что при таком подходе есть возможность реализации в процессе образования синтеза письменных жанров — художественных, собственно философских, религиозных, публицистических, научных.

По существу, речь идёт о подлинной интеграции предметов на уровне содержания образования и способов его воплощения в рамках как «Круга чтения», так и дисциплин светской духовности.

Книга В.Б. Ремизова и движение «Школа Л.Н. Толстого» в наши дни может расцениваться как поддержка духовных исканий писателя и постановка вопроса об актуальности преобразований в области образования. Кстати, сам Толстой надеялся на здравый смысл русского народа, который помешает принять упорно переносившуюся чиновниками в российское народное образование западноевропейскую «эмпирическую абстрактную педагогику».

Во второй статье «О народном образовании» (1876), которую он назвал «педагогической исповедью», писатель с горечью признал, что не был понят в полной мере педагогической общественностью. Толстой всячески пытался «разворошить муравейник тупоумия» методистов. Думается, что эпоха не была готова слышать его предостережения. Толстой в статьях убедителен. Образ юноши Вани как некий «продукт» бездуховной педагогики — чужим умом думающий, чужим языком говорящий, курящий папиросы, пьющий вино, самоуверенный и самодовольный, ничего не умеющий делать. С тонким психологизмом Толстой подчеркнул психотравмирующие, отупляющие детей методики, когда

на уроке «душа ребёнка, как улитка, спряталась в свой домик», все высшие способности (воображение, творчество, соображение) уступают место «полуживотным способностям школьного состояния»: «страх, напряжение памяти и внимания».

По большому счёту не преодолен гуманитарный кризис в науках о человеке и до настоящего времени. Движение «Школа Л.Н. Толстого», энтузиазм участников, обращение к текстам великого писателя и педагога, специально созданных для детей — всё это предвещает необходимость вернуться к духовным исканиям отечественного гения, провидца, проповедника.

Возможно, для тех учителей, кто самостоятельно продолжает следовать идеям движения «Школа Л.Н. Толстого», будет полезно понять его опыт преподавания в Яснополянской школе и использование диалога, описанный в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят», который стал возможен при более глубоком анализе его взглядов.

(Более подробно см. главу «Мастер-класс Л.Н. Толстого: статья «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862). В кн.: *Кудрявая Н.В.* Лев Толстой — педагог. От народного учителя к учителю жизни. Изд-во: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013).

Умение организовать диалог, создать обстановку синергичного обучения и сознательного творчества, превратить обучение в духовный акт со-бытия учителя и учащихся — это высшее педагогическое умение и мечта каждого педагога. Происходит встреча «сознаний» (М. Бахтин), неожиданно открывается «зарождение таинственного цветка поэзии», подобно зарождению цветка папоротника, как писал Толстой. Но для этого преподаватель должен уметь организовать обучение в пространстве объёмно-системного синтеза (а не линейно-аналитического, что характерно для традиционного, формального обучения), когда учитель и ученик вместе способны совершать то, что не под силу ни одному из них в отдельности.

В самом названии статьи Толстым заложена идея диалектического тождества учителя и учащихся, что приводит к рождению качественно нового образования — *энергичному обучению и личностному росту учащегося и преподавателя*. Видимо, эти идеи создания обстановки соучастия, сострадания Толстой-педагог использовал на уроках «по вопросам морали» в 1906–1907 гг. в своём доме в Ясной Поляне с крестьянскими детьми.

Уже в достаточно преклонном возрасте он экспериментировал, проверял свои прозрения после Первой русской революции. Можно восхищаться его смелостью и по-хорошему завидовать. Приём совместного написания сочинения неоднократно использовался Толстым в Яснополянской школе. Писатель был настолько увлечён работой с детьми, что иногда совершенно неожиданно найденный им приём «сознательного творчества» мог быть перенесён на новое содержание.

Статья «Кому у кого учиться писать...» — попытка Толстого рассказать о том, что обучение не может быть монологичным, все участники встречи проявляют свою индивидуальность, а смысл обучения заключается в высвечивании всех этико-эстетических сил участников процесса, когда возникает энергичная аура глубинного общения (онтообщения). Толстой оставил нам образец обучения как духовного акта со-бытия учитель — учащийся и возникновения «энергетического диалога». Учитель и учащийся становятся диалектическим тождеством обучения, наполненного смыслом.

Во многом напоминая этот процесс является описание В.Б. Ремизовым возникшего в классе спора о справедливости с «воображаемым философом Иваном Ильиным».

Автор книги в доступной и увлекательной форме рассказывает о целях, содержании, стратегии движения российских

учителей толстовских школ, об очень значимых результатах, включает ряд собственных текстов по тематике движения, демонстрирует ряд важных методических приёмов, помогающих активизировать пусть малый, но имеющий у него опыт ребёнка. Выстраивается иная направляющая учебного процесса — от опыта ребёнка через опыт учителя к новому, подчас совместно открытому знанию.

Что же касается экзистенциальных аспектов педагогического творчества Толстого, до раскрытия которых пока не доросла наша наука о человеке, то движение «Школа Толстого» и книга руководителя движения Б.В. Ремизова побуждают нас изучать их. Гений, проповедник, провидец, писатель

и педагог протягивает нам руку. Ответим же ему крепким рукопожатием и признаем, что педагогика Л.Н. Толстого не менее значима для человеческого сообщества, чем роман «Война и мир» для мировой литературы.

Через педагогику Л.Н. Толстой послал всем педагогам мира такие понятия, как опыт и свобода, смысл, совесть, усилие и ряд других, и превратил педагогику в науку жизни, творчества и любви. Спасибо движению «Школа Л.Н. Толстого» и его организатору и руководителю В.Б. Ремизову за возвращение исторической памяти и справедливости к отечественному гению педагогики Льву Толстому. **НО**

Crossing The Alps... About Pedagogy Of Spiritual Growth

Natalia V. Kudryavaya, Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract: Review of the book by Vitaly Remizov «Tolstoy's Lessons and the School of Culture» (2019).

Keywords: book, Vitaly Remezov, pedagogical experience, Leo Tolstoy school.